

РОДОВЫЕ ПРЕДАНИЯ ЧЕГЕМСКОГО ОБЩЕСТВА (Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы)

Малкондуев Хамид Хашимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), malkanduev47@mail.ru

Статья посвящена анализу передающихся из поколения в поколение устных народных повествований о патронимиях Сарбашевых, Акаевых и Аппаевых, являющихся древними чегемскими субэтническими ответвлениями балкарцев. Данная тема остается малоизученной в карачаево-балкарской фольклористике и этнографии. Однако следует отметить как положительное явление записи русских путешественников-ориенталистов Вс.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, Н.П. Тульчинского и др., а также труды по карачаево-балкарским патронимиям, фратриям, родам и атаулам А.И. Мусукаева, И.М. Шаманова, Ю.Н. Асанова.

В работе рассматриваются песни, легенды, предания, топонимические и гидронимические названия, связанные с историей патронимий Акаевых, Аппаевых и Сарбашевых. Многие из них бытуют до настоящего времени в Черекском и Чегемском ущельях Кабардино-Балкарии и по сей день могут рассматриваться в качестве информативного материала, что создает базу для изучения родословия той или иной патронимии. Осуществляется краткий экскурс в исторические события XIV–XV вв., которые стали судьбоносными для народов Центрального Кавказа. Согласно данным проанализированных текстов, указанные роды переселились в старинный чегемский аул Булунгу из степей или Большой Балкарии и хорошо приспособились к новым территориальным условиям. Проведенное исследование показало, что, несмотря на художественную условность, в целом, родовые предания могут служить источником определенной информации об истории формирования карачаево-балкарского народа и отдельных его фамилий.

Ключевые слова: несказочная проза, предание, песня, композиция, род, фратрия, патронимия, Балкария, Чегем, Булунгу.

Согласно мотивам карачаево-балкарских легенд и преданий, передававшихся из поколения в поколение, жизнь тюркских племен, вытесненных после жестокого похода Аксак Темира (апрель 1395 г.) и из-за набравших затем силу черкесских племен из равнин и лесостепной зоны Центрального Кавказа в высокогорья Главного Кавказского хребта, была в новых пространственно-географических условиях сложной, а порой и драматичной. Однако этнический состав здешних мест оставался пестрым, т.к. автохтонное население древних алан-дигорцев все еще составляло ощутимую его часть.

По временной локализации эти сложные события, очевидно, относятся к XV–XVI вв. В это время резко меняется и этническая карта Северного Кавказа, что было связано с падением Золотой Орды (1430 г.), затем и Большой Орды (1503 г.). Быстро разлагается и их преемница Ногайская Орда. Резко сокращается в горах, ущельях и степях Западного Кавказа набиравшее силу аланское население, т.к. Аксак Темир был особо беспощаден к иноверцам, т.е. неисламскому населению.

В первых упоминаниях о балкарцах Чегемского общества говорится о том, что они живут высоко в горах в узком, глубоком ущелье и сакли их напоминают

орлиные гнезда в скалах. Наиболее ценным сообщением здесь является сведение о том, что жители этого небольшого поселения живут в постоянном страхе из-за набегов своих соплеменников, жителей аула Зылгы, что было расположено на левом берегу течения реки Черек Малкарский (Балкарский). По сообщению жителей этого поселения, значительную роль в освобождении их от произвола своих соплеменников, сыграл Хасан, из рода Кулиевых и молодые царицы – Баймурза и Жанмурза, прибывшие сюда из Абазинии. «На их вопросы, почему селение находится в таких недоступных скалах, жители ответили, что ниже жить им нельзя, так как их враги – соседи-балкарцы будут их тревожить постоянными набегам; тогда братья (Баймурза и Жанмурза – Х.М.) предложили поселку свои услуги для защиты от врагов», – писал в 1903 г. замечательный собиратель фольклора народов Кавказа Н.П. Тульчинский¹.

Выработанный ими стратегический план по завлечению и нанесению зылгыйцам сокрушительного удара сработал успешно, после чего жители этих небольших поселений Лыгыт и Кочхар-Таш начали значительно расширять территорию своего жизненного пространства на юг и восток.

Зафиксировано и сказание о том, что чегемцам в нанесении ими удара по зылгыйцам-малкарцам оказали деятельную помощь карачаевцы, проживавшие в то время в хорошо укрепленной со всех сторон местности Донгат, расположенной на правом берегу реки Кардан.

Вскоре недалеко от бурной речки Булунгу-су появляется аул Булунгу и на правом берегу небольшой речушки Кардан (с дигорского «Снежная река») более десяти семей закладывают основания своих домов. Со временем здесь вырастает замечательный аул Думала. Географическое расположение его выгодно отличалось от других поселений: наличие нарзанового источника, родников, богатая трава, плодородность земли и т.д.

За отсутствием каких-либо архивных и рукописных документов, главным источником при работе над обозначенной проблемой нам послужили данные устной народной словесности, содержание которых, мы должны это признать, в ряде случаев весьма сомнительно, т.к. одни варианты сказаний противоречат другим, что вполне допустимо в устной традиции любого народа.

Одними из первых поселенцев аула Булунгу, наряду с Кулиевыми, Таппасхановыми, Этезовыми, Баразовыми, Теппеевыми, были Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы, на родовые предания которых мы в основном и опирались при написании данного фольклорно-этнографического исследования.

Согласно одним устным сказаниям, отцы и деды Карчи и Сарбаша жили в прошлом в районе нынешнего Кенже (по другому звучанию – Генже). Их было девять братьев. Отца звали Карабатыр. Семеро из них и пожилой отец погибли, защищая эту землю от своих врагов, которыми могли быть либо полчища Аксак Темира, либо черкесы. После этого оставшиеся в живых братья Карча и Сарыбаш отступают в Черекское ущелье в Большую Балкарию.

Существует и предание о том, что однажды Большую Балкарию посетил один из ногайских ханов. Своих сыновей Карчу и Сарбаша он оставляет здесь и дает наказ, как царевичам, править этим обществом, что в реальности представляется весьма сомнительным².

В повествовательных элементах этих преданий, как нам представляется, много надуманного, привнесенного позднее, в них довольно сложно, да и невозможно отличить реальные события от вымышленных.

Братья Карча и Сарбаш прославились в Балкарии как трудолюбивые и отважные люди. Однажды один из внуков Сарбаша посещает село Булунгу в верховьях Чегемского ущелья. Его кунаку очень понравилось седло коня пришельца, и тот отвечает гостеприимному хозяину-чегемцу, что весной пришлет своего сына к нему, т.к. он большой мастер в кузнечном деле, в изготовлении седел, плугов, тяпок, топоров, ножей и других орудий труда. Так оно и случилось: молодой человек,

мастер на все руки, на двух навьюченных лошадях весной прибывает из Большой Балкарии в Булунгу, в гости к другу своего отца. Далее предание повествует о том, что он сразу же становится любимцем этого недавно образованного поселения. К нему обращаются люди и из близлежащих аулов Кам, Лыгыт, Эль-Тюбю, Думала с просьбой изготовить им для семейных и хозяйственных нужд плуги, ножи, гвозди, подковы, седла, что он делает мастерски и на совесть.

У гостеприимного чегемца была привлекательная дочь. Вскоре становится ясно, что между молодыми людьми существует взаимное тяготение друг к другу, и она не по воле своего отца выходит замуж за пришельца из Большой Балкарии. Со временем у него появляются дети, и жители села продолжают относиться к нему с большим уважением, т.к. он обладал хорошим чувством юмора, большим трудолюбием и помогал людям всем, чем мог.

Но отношения его с тестем оставались сложными: он не упускал возможности при людях посмеяться над зятем, рассказать о нем что-то унизительно-смешное и неприличное, и это продолжалось долго. Однажды зять предупредил старика, что если тот не прекратит его оскорблять, он убьет его прилюдно. Время шло, и трагедия вскоре произошла: когда тесть в очередной раз оскорбил на ныгыше зятя-малкарца, тот вытащил из-за пояса свой самодельный револьвер и выстрелом убил его. Согласно преданию, старик-чегемец был из рода Таппасхановых и звали его Батыр, а зятя звали Тотук.

Этот случай обсуждался на совете старейшин села и Тёре Чегемского ущелья. Они оправдали поступок молодого кузнеца из рода Сарбашевых, и он остался здесь жить навсегда, не теряя родственную связь с Карчаевыми и Сарбашевыми, проживавшими в Большой Балкарии.

Со временем в Чегемском ущелье их стало много, но социальный статус Сарбашевых в народе был весьма скромным³.

Проходили годы и столетия и снова произошел трагический случай следующего характера: праправнук Тотука Сарбашева Байтуган в начале XX в. убивает праправнука Таппасханова Батыра Эсенея, что письменно засвидетельствовано: об этом писал в одной из своих публицистических работ Мисост Абаев, осуждая неумелые действия миротворцев по такому делу: «Эти наши туземные почетные судьи мало того, что мешают миру, но еще материально причиняют убытки лицам, коих они склоняют на свои решения. Приятно было бы, если бы такие судьи прекратили вовсе свои действия»⁴.

Причиной человеческой смерти в этот раз народная молва называет разные факторы: спор между ними из-за земли, спор из-за лошади и незабытое прошлое, что часто вспоминали Таппасхановы.

Существует сказание о том, что Сарбашев Байтуган только опередил событие, первым нанеся смертельный удар ножом по своему противнику Эсенею, якобы, угрожавшему ему мстостью за убийство его прадеда в далекие времена. Слухи об этом случае по-разному трактуются в устах людей до настоящего времени.

Позже Сарбашевых стало много. Они расселились по селениям Нижний Чегем, Яникой, г. Чегем, г. Тырныауз и т.д. Ныне в с. Булунгу они считаются одной из довольно многочисленных патронимий.

Акаевы и Аппаевы

Весьма интересны родовые предания, сохранившиеся об Акаевых и Аппаевых. Они передаются из поколения в поколение в устной форме и дают ясную картину об истории и образе жизни данных патронимий.

Согласно этим сказаниям, в далекие времена ногайские степи покидают двое братьев на лошадях, в полных боевых доспехах, ведя с собой по две молодые кобылицы. Ружья у них были хорошие, а мечи из крепкой стали.

В Баксанском ущелье в районе Гестенти, что выше нынешнего поселения Быллым, как только братья, убив оленя, принялись свежевать его, к ним подходит небольшая конница кабардинцев и дает знать, что эта земля князя Казия и что они – его сторожевые люди, а потому юноши должны отдать им эту тушу. Они же отвезут ее своему князю, который ожидает их с добычей.

Здесь между братьями из Ногаев и людьми князя возникает спор. Первые говорят, что согласны уступить половину туши оленя, а остальное заберут с собой. Здесь как-то они приходят к общему мнению: кабардинцам отдают голову, шкуру и половину мяса и вступают с ними в мир и согласие.

Люди Кази указывают им, как можно добраться до верховьев Чегемского ущелья. Братья доходят до района нынешнего Ак-Топрака, а затем по течению реки Черка Чегемского поднимаются вверх, где застают небольшие аулы Эль-Тюбю, Лыгыт, Кочхар-Таш и Булунгу.

Они останавливаются в ауле Булунгу, где проживало несколько десятков семей. Братья сразу же находят себе место в этой небольшой общине. Наиболее сложной проблемой для балкарцев Чегемского ущелья оставалась охрана южных границ его от постоянных набегов воинственных сванов, которые угоняли сельские стада с пастбищ, располагавшихся в основном на границе между Сванетией и верховьями Чегемского ущелья. Бывали случаи, когда они похищали с целью продажи и малых детей.

По народным преданиям братьев звали Аппа и Киши и принадлежали они к роду Акаевых, что говорит об их ногайском происхождении. Они прославились как смелые, отважные и беспощадные к врагам люди. У подножья Большого Кавказского хребта в местности Мёлюшкю братья построили заставу, а на некоторых опасных участках поставили дозорных.

Сохранились сказания о том, что они наводили страх на беспокойных южных соседей мастерским владением оружием и способностью просчитывать их маршруты, на что мы уже обращали внимание в своих исследованиях по несказочной прозе карачаево-балкарского народа⁵.

Большую равнину, что расположена в ущелье Гара-Аузу, у подножья Большого Кавказского хребта, по сей день называют *Киши тюзю* (в концепте: «Поляна Киши»). По народным сказаниям, он сеял здесь ячмень и получал хороший урожай.

Еще в 1960–70 гг. в народной памяти сохранялись десятки произведений о том, как женщины и мужчины Чегемского ущелья долго и мучительно оплакивали смерть Киши и Аппы, почти навсегда избавивших жителей этих мест от дерзких сванских набегов, приводивших к разным нежелательным последствиям, хотя в целом отношения между ними в основном оставались доброжелательными, а в ряде случаев и сохраняли родственные связи, т.к. сванский компонент здесь был огромен.

На левом берегу бурной реки Булунгу-су, на небольшой возвышенности Мижирген по случаю смерти Акаева Киши был выложен из камня склеп небольшого размера (2,5 м. на 3,5 м. и высотой 2,5 м.), где его и похоронила община. Данный памятник по сей день бережно охраняется потомками отважного защитника этой земли и другими жителями села. По сей день в народе его называют *Киши-Гешенеси* (в интерф.: «Могильный памятник Киши»).

Киши и сам вел далеко не мирный образ жизни: совершал набеги на земли соседних народов, угонял их табуны, а иногда и похищал детей. В народной памяти сохранилось предание о случае, когда где-то в степи он похитил мальчика лет восьми-девяти и воспитывал его у себя как родного ребенка.

Существует сказание и следующего характера: похитив ребенка у ногайца, он продает его дигорцу, а затем выкупает у него обратно. Сохранился и небольшой поэтический текст, строящийся на лирическом монологе отважного абрека Киши,

в котором до некоторой степени вырисовываются и его личные качества, как человека, ведущего беспокойный образ жизни:

*Узакъ жерлеге жол салдым,
Ногъайлыдан тартып алдым,
Дюгерлиден сатып алдым.
Къабартыдан жылкы аудардум.
Эбзени сакълап турдум,
Тыхтенгенде жанын алдым,
Алай ол сабийни бермедим.
Къумукълуну къулгъа тутдум,
Кеси юйюмде ёсдюрдюм,
Баламдан башха кёрмедим,
Энчи бир зат бёлмедим⁶.*

Путь держал я в далекие земли,
У ногайца его отнял (силой).
У дигорца выкупил (обратно).
Из Кабарды табун пригнал.
Свана я подкараулил,
У Тыхтенгена отнял его жизнь,
Но ребенка защитил (от кражи).
Кумыка в неволе держал,
В своем доме его растил,
Относился (к нему) не иначе как к своему ребенку,
Ничего другого я (себе) не позволял.

Как видно из этого небольшого текста, хотя и трудно в нем заметить какие-либо художественно-эстетические достоинства, здесь наблюдаются целый ряд кавказских этнонимов («ногаец», «дигорец», «сван», «кумык»), топонимы «Кабарда», «Тыхтенген», верно передающие образ жизни в этом беспокойном регионе в прошлые века, где было обычным явлением совершать набеги одних грабителей на других. Этно-национальные проблемы вряд ли играли здесь какую-либо значимую роль. Главное было достичь своей цели любым путем: удачным набегом на соседей, грабежами и кражей всего, что приносило материальное благополучие.

Сказание далее гласит, что, повзрослев, он начал доказывать, что принадлежит к знатному аристократическому роду Аппай, а потому к нему следует относиться не как к холопу, а как к уздену-дворянину, ибо он хорошо помнит своих родителей и трагическое прошлое, то, как он был похищен из своей общины и привезен в Чегемское ущелье. Конечно, верить всем этим мотивам не стоит.

Об этом существует интересная легенда, в которой дается объяснение кодекса аталычества как национальной этнографической традиции кавказских народов на примере исследуемой нами проблемы: «С.С. Киржанов, В.П. Невская, Е.Н. Студенецкая, И.М. Шаманов замечают, что аталычество в эпоху феодализма приобрело окраску феодализма и строилось на основе взаимной выгоды. Обычай аталычества определил фамильное наименование Аппаевых из Булунгу. Передавая фамильное предание своих предков, Аппаева Захират Аппаевна (верно Дудаевна – Х.М.), 1903 г.р., с. Булунгу, рассказала, что семь поколений назад два брата Акаевых никак не могли найти общий язык со своими таубиями. Те всячески их притесняли и издевались, пытаясь добиться полного повиновения братьев. Тогда Акаевы решили в целях своей защиты использовать древний кавказский обычай: взяли на воспитание ребенка по имени Аппа у одного из влиятельных князей, живших на равнине. С этих пор между семьями аталыка и эмчека устанавливались родственные связи. Акаевы обеспечивали себе поддержку и защиту, заставив тем самым прекратить притязания местной феодальной фамилии.

Акаевы объявили Аппу повелителем и настолько полюбили воспитанника, что, вопреки принятым традициям, попросили родителей молодого человека оставить его навсегда в Булунгу. Единственным условием близких и родных Аппы было – женить его на девушке знатного происхождения. Избранницей оказалась девушка из фамилии Эттеевых, считавшихся в Чегеме узденями»⁷.

Эта информация была записана в 1968 г. д.ф.н., профессором А.И. Мусукаевым в с. Булунгу Чегемского района КБАССР. Нам же представляются более близкими к истине предания старины о том, что в данном случае аталычество как институт благоденствия, традиционно выполнявший покровительскую функцию, сыграло доминирующую роль в родовых отношениях между Акаевыми и Аппаевыми. Позднее оно стало носить не совсем корректный характер, т.к. Аппаевы иногда давали знать Акаевым о своем привилегированном социальном статусе, что приводило к нежелательному диалогу между ними.

Нам запомнился состоявшийся в 1958 г. диалог между Дудой Аппаевым (1861–1959), отцом упомянутой Захират Аппаевой (1903–1981), и моим отцом Хашимом Малкондуевым (1896–1965), в котором они делились друг с другом сведениями об одном случае из отношений между Аппаевыми и Малкондуевыми. Они вспоминали следующее: отец Дуды Аппай-хаджи, уважаемый уздень-дворянин, выдавал свою дочь Керимат замуж за сына Малкондуева Курман-хаджи Мусу; договорившись, чтобы не допустить этот брак, Аппай-хаджи посетили сорок всадников из числа чегемских узденей-дворян, т.к. родство между Аппаевыми и недавними пришельцами из Сванетии Малкондуевыми стало бы социально неравным явлением. Но к тому времени Малкондуевы успели стать весьма зажиточными и даже смогли купить земли на равнине, напротив нынешнего селения Лечинкай на правом берегу реки Черек Чегемский (1887 г.)⁸.

Хотя бракосочетание между ними прошло успешно и Малкондуевыми был выплачен огромного размера калым и т.д., неожиданно для всех Муса умирает в своем родном селе Думала, где компактно проживали Малкондуевы, а Керимат Аппаева, спустя какое-то время, выходит замуж за Аккизова (Таппасханова) Аче Исаевича (1880–1966)⁹.

Предания также сообщают, что в роду у Аппаевых был десяток многодетных семей, которые со временем переехали жить в Хулам, Балкарию, Хабаз, Карачай, Дигорию, но держались сплоченно, не забывая о своих исторических корнях.

Таким образом, на примере ряда устных повествований мы кратко рассмотрели родовые предания одних из наиболее древних патронимий балкарцев Чегемского общества Сарбашевых, Акаевых и Аппаевых. Исследование показало, что в основном они однотипны, носят информативный характер, в них четко обозначаются названия местностей, имена людей и особенности социального уклада жизни. Некоторые из этих произведений значительно мифологизированы, что наблюдается на примере повествований о дружбе Киши Акаева с матерым волком, смерть которого горько оплакивает волчица, жившая с ним парой¹⁰.

Акаевы традиционно славились своим героизмом и отвагой. Так, по сей день в памяти жителей с. Булунгу жива молва о том, как однажды, когда явились в село собирать дань люди крымского хана, один из сыновей Киши выстрелом из ружья убил одного из этих пришельцев. Еще в 1960 гг. в древнем квартале Акаевых показывали огромного размера сосновый столб, опору сакли, продырявленный в середине пушечной когда-то пулей.

К сожалению, когда в 1960–70 гг. массово строили новые дома, сакля была разобрана, а ту легендарную пулю взяли себе на хранение дети Акаева Абдул-Керима Аминовича.

Таким образом, следует признать, что через произведения несказочной прозы мы познаем многое о жизни, истории и деятельности карачаево-балкарских патронимий и фратрий, которые жили в прошлом сплоченно и защищали внутриродовые интересы.

Примечания

1. *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 260.
2. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в 1978 г. в с. Верхняя Балкария от Карчаева Зекерии.
3. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в 1982 г. в с. Булунгу от Аппаева Магомед Башировича.
4. *Абаев М.* Наши миротворцы // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное: в 2-х томах. Т. 1 / сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 157.
5. *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 73–74.
6. Личный архив Малкондуева Х.Х. Записано в октябре 1979 г. в с. Булунгу от Кулиева Назира Хасановича (1922 г.р.).
7. *Мусукаев А.И.* К истокам фамилий: предания и легенды. Нальчик, 1992. С. 35.
8. Личный архив Малкондуева Х.Х.
9. Личный архив Малкондуева Х.Х. Фольклорно-этнографические записи 1970–80 гг.
10. *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX веков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. Ч. 1. С. 130–131.

TRIBAL LEGENDS OF THE CHEGEM SOCIETY (Sarbashevs, Akaevs and Appaevs)

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), malkanduev47@mail.ru

The article is devoted to the analysis of transmitted from generation to generation oral folk narrations about patronymies of Sarbashevs, Akaevs and Appaevs, which are ancient Chegem subethnic branches of the balkarians. The given subject matter remains rather poorly studied in karachay-balkarian folkloristics and ethnography. However, it should be noted as a positive phenomenon the records of russian travelers-orientalists Vs.F. Miller, M.M. Kovalevsky, N.P. Tulchinsky and others, as well as works on the karachay-balkarian patronymies, phratryes, families and atauls of A.I. Musukaev, I.M. Shamanov, Yu.N. Asanov.

The work deals with songs, legends, legends, toponymic and hydronymic names, connected with history of the patronymies of Akaevs, Appaevs and Sarbashevs. Many of them exist as an informative material in the Cherek and Chegem gorges of Kabardino-Balkariya to this day, that creates a basis for studying of genealogy of one or another patronymy. A brief excursion into the historical events of the XIV–XV centuries, which became fatal for the peoples of the Central Caucasus, is carried out. According to the analyzed texts, specified families moved to the old Chegem aul Bulungu from the steppes and Big Balkariya and adapted well to the new territorial conditions. The study showed that, despite the artistic convention, in general, tribal legends can serve as a source of certain information about the history of formation of karachay-balkarian people and its separate surnames.

Keywords: unfairy-tale prose, legend, song, composition, family, phratry, patronymy, Balkariya, Chegem, Bulungu.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-148-154

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящая статья – одна из последних научных работ, вышедших из-под пера незадолго до полного завершения, чем объясняются некоторые логические разночтения и стилистические шероховатости. При подготовке материала к печати редколлегия не посчитала возможным какое-либо вольное вторжение в текст. Были внесены лишь минимальные исправления в области пунктуации и стиля изложения с полным сохранением содержания и умозаключений автора.